

Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей

© 2019

Наталья Михайловна Заика

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
n.zaika@spbu.ru

Аннотация: Задачей настоящей статьи является описание типологического разнообразия полипредикативных причинных конструкций в языках мира. С одной стороны, мы рассматриваем семантические варианты причинных конструкций, а также дополнительные компоненты причинных значений, таких как реальность причины, ее объективность или субъективность, временная дистанция и др. С другой стороны, в работе представлены такие параметры типологического варьирования, как разновидности причинных маркеров, позиция причинной клаузы, глагольная форма причинной клаузы, контекстные ограничения и соотношение с информационной структурой.

Ключевые слова: грамматикализация, коммуникативная структура, логико-семантические отношения, полипредикация, причина

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология». Мы благодарим сотрудников Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН и других участников семинаров по причинным конструкциям, на которых рассматривались описания причинных конструкций в грамматиках конкретных языков, проведенных в лаборатории. В статье были учтены результаты работы этих семинаров. Особую благодарность мы бы хотели выразить двум анонимным рецензентам статьи за высказанные замечания и комментарии, которые способствовали ее улучшению, Д. В. Герасимову, С. Ю. Дмитренко, С. С. Саю, В. С. Храковскому и М. Л. Федотову за обсуждение многих аспектов работы, библиографические рекомендации и ценные комментарии, А. П. Выдрину за примеры из персидского, осетинского и ингушского и информацию о причинных конструкциях в пушту, Д. В. Герасимову за глоссированные примеры и их интерпретацию из парагвайского гуарани и глоссирование примеров из адыгейского, С. Ю. Дмитренко за примеры с глоссированием из кхмерского, Н. С. Ершову за примеры из корейского, И. И. Ибрагимову за комментарии о фиктивной причине, примеры из древнегреческого и глоссирование латинского примера, В. А. Кагировой за примеры причинных показателей из грузинского, С. Б. Клименко за примеры из тагальского, ворора и мауваке, А. А. Кузнецову за ссылки на примеры из японского языка, Р. Г. Мамедшахову за примеры причинных показателей из лезгинского, С. С. Саю за примеры из скоу и варронго, Е. А. Сведенцовой за комментарии о полисемии причинных показателей, В. С. Храковскому за предложение классификации причинных союзов и пример из сербского языка, М. Л. Федотову за примеры из сандаве, циха и шеко и глоссированные примеры на гбан. Разумеется, все ошибки остаются на совести автора.

Для цитирования: Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей. *Вопросы языкознания*, 2019, 4: 7–32.

DOI: 10.31857/S0373658X0005702-1

Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters

Natalia M. Zaika

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; zaika.nat@gmail.com

Abstract: The article is an attempt to describe typological parameters of polypredicative reason constructions. On one hand, the article is aimed at describing semantic types of reason constructions, as well as their eventual additional meaning, such as the reality of reason, the objectivity of reason, temporal distance, etc. On the other hand, it features such typological parameters as the type of reason markers, the position of the reason clause, the TAM categories of the reason clause, contextual restrictions and interaction with the information structure.

Keywords: cause, grammaticalization, information structure, logical-semantic relations, polypredication, reason

Acknowledgements: The research is supported by the Russian Science Foundation (grant No. 18-18-00472).

For citation: Zaika N. M. Polypredicative reason constructions in languages of the world: Typological parameters. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 4: 7–32.

DOI: 10.31857/S0373658X0005702-1

Введение

Настоящая работа представляет собой попытку описания пространства типологических возможностей полипредикативных причинных конструкций в языках мира. Основой работы послужила типологическая литература по причинности и описания конкретных языков (подавляющее большинство грамматик были скорее дескриптивными, чем прескриптивными, и причинные конструкции там описывались с разной степенью подробности)¹.

Под причинными конструкциями мы традиционно понимаем конструкции, выражающие отношения каузации между двумя ситуациями (ср. похожую трактовку этого понятия в [Cristofaro 2003; 2013])². Причинные конструкции являются важным классом полипредикативных конструкций, мало изученным в типологическом аспекте, в особенности по сравнению с временными, условными и целевыми конструкциями. Среди типологических работ, посвященных причинным конструкциям, следует упомянуть прежде всего [Martowicz 2011; Diessel, Hetterle 2011; Cristofaro 2013]. В диссертации А. Мартович [Martowicz 2011] причинные показатели рассматриваются на фоне показателей со значением предшествования, цели и условия, преимущественно в аспекте морфологической сложности, происхождения и моделей полисемии. Наиболее важным параметром типологического варьирования причинных конструкций у С. Кристофаро оказывается противопоставление

¹ Результаты нашего исследования затем могут быть преобразованы в анкету, ориентированную на традиционный для Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН, сотрудником которой является автор, анализ полипредикативных конструкций, ср. анкеты такого рода в [Храковский 1998; 2004; 2009].

² Сами понятия причины и каузации с трудом поддаются определению: так, исследователями неоднократно отмечалась близость понятия причины к семантическим примитивам, ср. [Богуславская, Левонтина 2004: 68].

между «сбалансированными» (balanced) и «пониженными в ранге» (deranked) (терминология [Stassen 1985]) формами в причинных клаузах: под «сбалансированной» глагольной формой подразумевается такая форма, которая, в отличие от «пониженной в ранге», может встречаться в независимой утвердительной клаузе [Cristofaro 2003; 2013]. В типологически ориентированной статье о причинных конструкциях на материале выборки из 60 языков Х. Диссель и К. Хеттерле делают вывод о том, что сбалансированная стратегия более характерна для причинных полипредикативных конструкций, чем для временных и условных [Diessel, Hetterle 2011: 28]. В целом авторы данных работ исследуют достаточно небольшое число параметров, что, по всей вероятности, связано с ограниченностью описаний причинных конструкций в грамматиках языков выборки. К упомянутым работам можно добавить исследование [Galán Rodríguez 1995], в котором ряд параметров типологического варьирования причинных конструкций проанализирован на материале испанского языка, однако представляется применимым и к материалу других языков. В более широкой перспективе среди типологических работ, затрагивающих проблемы причинных полипредикативных конструкций, можно упомянуть монографию [Hetterle 2015], посвященную адвербиальным клаузам разных типов.

Ряд параметров типологического варьирования, релевантных для причинных конструкций, был выявлен в рамках контрастивных исследований причинных союзов одного или нескольких языков, преимущественно среднеевропейского стандарта, ср. работы на материале французского и испанского [Alvarez Castro, Donaire 2011], французского и английского [Colson 1993], немецкого [Scheffler 2005; Bisiada 2013: 178–189], датского [Therkelsen 2003; Лунд 2004], норвежского и английского [Meier 2001], русского [Пекелис 2009], русского и чешского [Klangová 2017], древнегреческого, латыни, готского и древнеанглийского [Pennington 2010], корейского [Hoe, Park 2016].

Двумя основными способами выражения причины в языках являются:

1. Полипредикативные причинные конструкции:

(1) *На улице стало грязно, потому что прошел дождь.*

2. Монопредикативные конструкции причины. В этом случае выражение причины может маркироваться как на глаголе (каузативные и аппликативные конструкции, ср. пример (2) из языка сандаве, Танзания), так и на имени с помощью падежных аффиксов и адлогов, ср. пример (3)³.

(2) *ǃúr=sà k'é-ǃéwá-á-ts 'è-é*
 very=3fsг cry-PL1-3o-APPL-3o

'She cried very much **because of him**' [Steeman 2012: 185].

(3) *А сколько я из-за него работы пропустила!* [НКРЯ]

Здесь мы рассмотрим лишь аспекты, связанные с полипредикативными (клаузальными) конструкциями причины. Под клаузальной конструкцией причины мы имеем в виду клаузу, содержащую причинный показатель, а под полипредикативной конструкцией причины — предложение, содержащее такую клаузу. Именные причинные конструкции в нашей работе не обсуждаются.

В отличие от исследований С. Кристофаро, в данной статье рассматриваются преимущественно те причинные отношения, которые выражаются в специализированных причинных конструкциях (для полипредикативных конструкций речь идет как о финитных, так и о нефинитных клаузах); простому соположению клауз будет уделяться лишь маргинальное внимание. В качестве определения причинной клаузы мы можем принять в несколько измененном виде позицию К. Хеттерле [Hetterle 2015: 51], которая под причинными

³ Мы благодарим М. А. Холодолову за идею описания маркирования в монопредикативных конструкциях в терминах вершинного и зависимостного маркирования.

клаузами естественным образом понимает клаузы, выражающие причину (cause or reason), вызывающую ситуацию в клаузе, выражающей следствие⁴.

Поскольку в одном и том же языке часто встречается значительное количество причинных конструкций, ведущих себя по-разному, нас будет интересовать спектр способов выражения исследуемого значения в языках мира, а не описание систем выражения причинности в полипредикативных конструкциях.

В первой части статьи мы рассмотрим морфологические и синтаксические признаки, связанные с причинными клаузами. Далее будет представлена семантическая характеристика полипредикативных причинных конструкций, а также параметры, связанные с информационной структурой. Некоторые из описываемых параметров полностью исчерпывают пространство возможностей, представляя, таким образом, исчисление, тогда как для других параметров перечислены лишь некоторые значения из множества потенциально возможных. Следующая часть статьи будет посвящена появлению причинных показателей — как в результате грамматикализации, так и в процессе заимствования из других языков — и моделям полисемии причинных конструкций. В заключительной главе будут описаны перспективы типологического исследования причинных конструкций.

1. Структурные особенности полипредикативных причинных конструкций

1.1. Тип связи между клаузами

Как отмечается в [Martowicz 2011: 282], каузальные отношения в полипредикативных клаузах эксплицитно маркируются чаще, чем целевые, условные отношения и отношения предшествования. Однако для многих языков причинное значение в полипредикативных конструкциях может выражаться с помощью простого соположения финитных клауз. Соположение может быть как маргинальным способом выражения причинного значения, так и базовым, как в пушту, где конструкции со значением причины часто не имеют специального маркирования [Robson, Tegey 2009: 762].

Кроме того, базовым средством выражения причины в полипредикативных конструкциях могут быть как конструкции с клаузами причины (в большинстве случаев на нашей пилотной выборке и по данным типологических исследований), так и конструкции со клаузами следствия. Нас интересуют преимущественно полипредикативные конструкции причины, однако существенно то, что для некоторых языков базовым способом выражения такого рода значений являются конструкции следствия. Так, по утверждению Л. Бергхэлл, в папуасских языках и, в частности, в мауваке, как правило, эксплицитно маркируется клауза, выражающая следствие или результат, а не причину [Berghäll 2015: 213]:

- (4) *I* *firim-owa=pa* *ik-emkun* *ama* *or-o-k*,
 1p.UNM gather-NMZ=LOC be-1s/p.DS sun descend-PA-3s
naapeya *epa* *kokom-ar-e-k*.
 therefore place dark-INCH-PA-3s

‘When we were in the meeting the sun went down, so it became dark.’

В некоторых языках (таких как скоу, Новая Гвинея) показатель причинной связи, употребляемый также как маркер определенности, может располагаться как в клаузе с причиной, так и в клаузе со следствием:

⁴ При определении причинных клауз Хеттерле апеллирует к традиционным в области полипредикации понятиям главной и зависимой клаузы. Проблема сочинения и подчинения в связи с причинными конструкциями рассматривается нами в разделе 1.1.

- (5) *Ka-ung_a=wi_a nì=moe kóeho loe, ing_a pa nì=hí-hí li.*
 just-now=this 1SG=return border come the water 1SG=wash-RED do
 'I've just now come back from the border, that's why I want to wash.'
- (6) *Ka-ung_a=wi_a nì=moe kóeho loe=ing_a, *(ung_a) pa nì=hí-hí li.*
 just-now=this 1SG=return border come=the now water 1SG=wash-RED do
 'Because I've just now come back from the border, I want to wash now' [Donohue 2004: 496].

В проанализированной нами литературе в полипредикативных причинных конструкциях причинный показатель чаще всего находился на причинной клаузе. В более редких случаях причинный показатель находится в обеих клаузах, ср. коррелятивные конструкции в русском языке:

- (7) *Можно даже сказать, что человек лишь постольку и является личностью, поскольку он имеет свою историю* [НКРЯ].

Как правило, в лингвистической литературе под полипредикативными причинными конструкциями имеются в виду сложносочиненные предложения, в которых причинная клауза является зависимой. Однако еще в [Lakoff 1984] отмечается, что причинные клаузы, в отличие от условных, в постпозиции часто обладают рядом свойств главных клауз. В литературе было отмечено, что некоторые показатели, маркирующие клаузу со значением причины, по ряду параметров близки к сочинительным, ср. анализ поведения русского союза *ибо* [Пекелис 2015], латинских союзов *namque, enim, quipped* [Galán Rodríguez 1995: 129], датского союза *for* [Therkelsen 2003: 446] или немецких *denn* и *deshalb* [Bisiada 2013: 88]. Вопрос о включении конструкций с такого рода показателями в причинные является дискуссионным, однако думается, что сочинительные конструкции с причинно-следственным значением можно считать причинными (и, таким образом, понимать под причинными конструкциями в том числе сочинительные при наличии причинного показателя) в том случае, если хотя бы в одной из клауз имеется специализированный маркер с причинным значением. Однако будет разумным признать, что сочинительные причинные клаузы менее распространены, чем подчинительные. В связи с этим, поскольку наша статья в значительной мере учитывает типологически ориентированные языковые описания, в которых причинные клаузы понимаются прототипически (как зависимые, адвербиальные), в ней иногда будут использоваться термины «главная клауза» и «зависимая клауза», которые формально противоречат идее о том, что полипредикативные причинные конструкции может характеризовать сочинительная связь.

Описание причинных конструкций с точки зрения сочинения и подчинения осложняется тем, что критерии их разделения у разных исследователей могут различаться и что само деление на сочинение и подчинение не является строго бинарным. Поэтому при указании того, тяготеют ли причинные конструкции к сочинительной или подчинительной связи, релевантно то, какими критериями пользуются исследователи. Среди прочих, в качестве критериев выдвигаются порядок клауз, порядок составляющих в клаузе, свойства контроля и фокализации, возможность замены главной клаузы на местоимение и др. (см. [Bisiada 2013: 88; Пекелис 2009]; [Hetterle 2015] со ссылкой на [Haspelmath 1995: 12] и [Diessel 2001: 437–438]). Возможны и лингвоспецифические критерии сочинения и подчинения (ср. невозможность использования аллокутивного типа спряжения в некоторых типах причинных клауз в баскском языке).

1.2. Формальные средства выражения

Далее рассмотрим, какими формальными средствами может выражаться причинное значение. Базовыми структурными способами кодирования причины в полипредикативных

конструкциях являются союзы (8), глагольные аффиксы (префиксы (9) и суффиксы (10)) или клитики и их комбинации, присоединяющиеся к финитному глаголу, являющемуся вершиной причинной клаузы, а также аффиксы, адлоги и их комбинации, присоединяющиеся к нефинитному глаголу, являющемуся вершиной причинной клаузы, см. далее (15–17). О соответствующих глагольных формах см. следующий раздел.

(8) КХМЕРСКИЙ

кхньум ам' дхвеи ка:р тхнгай нех брох кхньум джхеи кпа:л
я NEG делать дело день этот REAS я болеть голова

‘Я сегодня не работал, потому что у меня болела голова’⁵.

(9) АДЫГЕЙСКИЙ

sabəjə-r xe-čəja-ke-š jane z-je-ke-psefə
ребенок-ABS INC-спать-PST-REAS 3POSS.мать REFL-3.A-CAUS-отдыхать

‘Поскольку ребенок заснул, его мать отдыхает’ [Зекох 2002: 344].

(10) БАСКСКИЙ

Barka bekio, ez bait-zekien ze ari zen.
forgive(RAD) AUX not REAS-knew what ARI AUX

‘Прости ему/ей, ибо не ведает, что творит’ [Hualde, Ortiz de Urbina 2003: 723].

А. Мартович на основании анализа 203 причинных показателей из 84 языков отмечает, что для причинных клаузалых показателей характерно не аффиксальное кодирование, а кодирование в виде отдельного слова (free word) — в 77,83 % случаев [Martowicz 2011].

Причинные показатели могут быть (I) однокомпонентными (ср. русск. *поскольку*) либо (II) многокомпонентными (состоящими из двух и более слов, аффиксов или клитик и т. п.), ср. русск. *потому что*.

Многокомпонентные союзы делятся на следующие группы по своим структурным свойствам:

(II.1) союзы, компоненты которых не могут отделяться элементом одной из клауз, ср. русск. *ввиду того, что* (при этом компоненты союзов могут отделяться другими составляющими, ср. русск. *ввиду же того, что*);

(II.2) союзы, компоненты которых могут отделяться элементом одной из клауз.

Среди последних, с одной стороны, встречаются рамочные конструкции. Так, в языке гбан (манде) для передачи причинного значения используется рамочная конструкция *nee... le*⁶, первый элемент которой в других случаях вводит относительные и временные клаузы:

(11) Wo e o to sowi win yi=o [nee
3PL IPFV.PREN они для сеть IPFV\бросать вода=в который
zokee=ni li e ni o ye le].
рыбак=PL [3PL]FOC IPFV.PREN IPFV\быть_этим они с из_за

‘Они забрасывали в озеро сети, так как были рыбаками’ (Мф. 4:18).

С другой стороны, встречаются конструкции, где один из компонентов союза ведет себя так, будто относится к главной клаузе:

(12) *Я опоздал, потому что проспал.*

(13) *Я потому опоздал, что проспал.*

Аналогичным образом ведут себя некоторые многокомпонентные союзы персидского языка, имеющие в своем составе лексемы со значением ‘причина’, ‘повод’, ‘результат’ и т. п.: *be 'ellat-e in/ān=ke* (PREP причина=EZF этот/тот=ке), *be sabab-e in/ān=ke* (PREP

⁵ Пример с глоссированием получен от С. Ю. Дмитренко.

⁶ Примеры на гбан приводятся в упрощенной транскрипции.

причина=EZF этот/тот=KE), *dar natije=ye in/ān=ke* (PREP результат=EZF этот/тот=KE) ‘по причине того, что’, ‘в результате того, что’; *banā bar in=ke* (основание PREP этот=KE) ‘на основании того, что’, ‘потому что’ и др. Первая часть таких сложных союзов может отрываться от энклитики *ke*, которая сама по себе является универсальным показателем, вводящим разного рода придаточные предложения:

- (14) *gof̄t: barā=ye in ne-mipasand-am=ke to dar*
 говорить.PST.3SG для=EZF этот NEG-соглашаться.PRS-1SG=KE ты PREP
hāl=e tabi'i nisti wa dar āteš=e
 состояние=EZF естественный NEG.быть.PRS.2SG и PREP огонь=EZF
reqābat misuz-i
 соперничество гореть.PRS-2SG

‘Она сказала: «Я **потому** не соглашаюсь, **что** ты находишься в неестественном для себя состоянии и в тебе горит огонь соперничества»’ ([Хеджази. Слеза] по [Рубинчик 2001: 562]).

В грузинском языке также имеется ряд причинных показателей с аналогичными свойствами: *im̄itom, rom* ‘потому что’; *amis / imis gamo, rom* ‘из-за того, что’; *im mizezit, rom* ‘по той причине, что’.

Показатели, присоединяемые к нефинитным причинным клаузам, также могут быть однокомпонентными (например, падежные показатели или адлоги) и многокомпонентными (адложно-падежные показатели). Приведем примеры из чувашского языка с однокомпонентными показателями — суффиксом инструменталиса (15) и послелогом с причинным значением (16), присоединяемыми к причастию⁷, — и из лесного ненецкого с падежно-послеложным причинным показателем, присоединяемым к номинализации (17):

- (15) *Todā pol-n-i-be ep kokāl'-a ei-z=er=i-me-r-əm.*
 сытый быть-PC_PST-P-3-INS я пирог-OBJ есть-CV_SIM=пустить-POT-NEG-PST-1SG
 ‘Я не доел пирог, потому что был сыт’.

- (16) *Todā pol-n-ə bergi ep kokāl'-a ei-z=er=i-me-r-əm.*
 сытый быть-PC_PST-CSL POST я пирог-OBJ ест-CV_SIM=пустить-POT-NEG-PST-1SG
 ‘Я не доел пирог, потому что был сыт’.

- (17) *ключ tē''=ma=nm теemia'' мань*
 ключ=ACC/sg потерять=Vnimpf=GEN/sg/sg из-за я
шича час мя'=кай чу''=Ø ти''му=ma=m
 два час дом=DAT/sg войти=CONV не мочь=PP=SUBJ/1sg

‘Из-за того, что ты потерял ключи, я два часа не могу войти в дом’ [Буркова 2003: 149]⁸.

Далее нас будет интересовать позиция причинного показателя в клаузе. Как правило, в финитной клаузе причинные показатели располагаются в начале либо в конце. Например, в языке циха (Ts'ixa, семья кхое) причинный показатель *ʔəðə / ʔəðə / ʔə* стоит в конце финитной причинной клаузы, а показатель *kaxóré* — в начале. Возможны и более сложные случаи. Рассмотрим, например, многокомпонентный (расчлененный) союз *потому(,) что*. Компонент *что* может стоять исключительно в начале зависимой клаузы, тогда как компонент *потому* может стоять в начале, в середине и в конце главной клаузы:

- (18) *Потому я опоздал, что проспал.*

⁷ Примеры взяты из материалов автора, собранных в июле 2018 г. в селе Малое Карачкино (Пошкарт) Чувашской Республики под руководством М. А. Холодиловой. Формы приводятся в фонематической транскрипции, разработанной в рамках подготовки экспедиции 2017 г. под тем же руководством.

⁸ Пример приводится сохранением системы записи и глоссирования первоисточника.

(19) *Я потому опоздал, что проспал.*

(20) *Я опоздал потому, что проспал.*

Отметим, что даже в случае если два компонента расчлененного союза *потому(,) что* располагаются контактно, между расчлененным и соответствующим нерасчлененным союзами обнаруживается разница, связанная с семантикой и информационной структурой, ср., например, [Пекелис 2015].

Для адвербиальных клауз вообще была отмечена тенденция помещать подчинительный показатель в конце зависимой клаузы, если зависимая клауза предшествует главной, и в начале, если зависимая клауза следует за главной [Diessel 2001: 433]. Данная тенденция представляется заслуживающей проверки на материале причинных конструкций с учетом того, что позиция зависимой причинной клаузы в предложении часто отличается от позиций адвербиальных клауз другого типа (см. п. 1. 4).

В нефинитной клаузе причинные показатели присоединяются непосредственно к глагольной словоформе, ср. вышеприведенные примеры (15–17) из чувашского и ненецкого.

В ряде случаев показатели причины могут иметь достаточно богатую морфологию. Так, в чоктавском языке (мускогские, Северная Америка) у суффиксов, вводящих адвербиальную клаузу (временных, условных, уступительных и в том числе причинных), имеется два варианта: односубъектный и разносубъектный. Среди причинных показателей односубъектным является *haatokoosh*, а разносубъектным *haatoko*, ср. пример из [Broadwell 2006: 291]:

(21) *Kaah sa-banna-haatokoosh, iskáli' ittahobli-li-tok.*
машина 1sI-хотеть-потому.что:SS деньги копить-1sI-PT

‘Поскольку я хотел машину, я копил деньги’.

Отметим, что в некоторых языках (кхмерский, лаосский — С. Ю. Дмитренко, л. с.) возможно одновременно употребление двух причинных показателей, каждый из которых может употребляться самостоятельно, ср. пример (22) из кхмерского, в котором каждый из двух причинных показателей (*prəəh* и *daoj sa: tae*) может употребляться без второго:

(22) *khənom khəŋ prəəh daoj¹ sa:² tae³ kmian luj tuŋ rəbah nuŋ*
1 злиться REAS REAS^{1,2,3} не.иметь деньги покупать вещь этот

‘Я злюсь, потому что у меня нет денег, чтобы купить эту вещь’.

Ср. также пример (23) из циха (кхое), в котором причинные показатели *kaxórè* и *ʔòdò / ʔyòdò* могут функционировать как по отдельности, так и одновременно:

(23) *thuú ʔà kũy-a-tà kónò [lé kámà-tà]_{MATRIX}*
night LOC go-J-PST1 when 1PL.M track-IPFV.NEG
[kaxórè lé gèrè sũ-a hitèrà ʔité tà lé ʔaná-há ʔyòdò]_{SUB}
because 1PL.M FUT arrive-J find NEG COMP 1PL.M know:J-PST3 because

‘When [the animals] passed at night, we do not track [them], because we know that we will not find them’ [Fehn 2014: 268].

1.3. Глагольная форма в причинной клаузе

Форма глагола является важным параметром типологического варьирования, связанным с адвербиальными клаузами (ср., например, подробный анализ глагольных форм в условных [Храковский 1998], уступительных [Храковский 2004] или целевых конструкциях [Schmidtke-Bode 2009]). Из типологических исследований по полипредикативным конструкциям (ср. [Cristofaro 2003]) известно, что полипредикативные причинные конструкции тяготеют к финитному выражению.

Один и тот же показатель, например причинный союз, может вводить различные финитные формы в зависимости от оттенков значения. В латыни причинные союзы *quod, quia, quoniam* ‘потому что’, ‘так как’ и некоторые другие вводят индикативную зависимую клаузу, если, с точки зрения говорящего, причина носит объективный характер. Если причинная связь обусловлена чужим мнением или мотивом, названные союзы вводят конъюнктивную зависимую клаузу, ср. примеры из [Pennington 2010: 172]:

- (24) a. *Amicus meus discessit quod iratus erat.*
 друг мой уйти:PRF.IND.ACT.3SG потому.что разгневанный быть:IPF.IND.ACT.3SG
 ‘Мой друг ушел, потому что он был разгневан’ (утверждение говорящего или пишущего).
- b. *Amicus meus discessit quod iratus esset.*
 друг мой уйти:PRF.IND.ACT.3SG потому.что разгневанный быть:IPF.CONJ.ACT.3SG
 ‘Мой друг ушел, потому что [как он сказал] он был разгневан’ (причина не в говорящем, а в друге).

В сербском языке союз *poшто* имеет причинную интерпретацию при появлении в главной или зависимой клаузе форм несовершенного вида, а при употреблении форм совершенного вида имеет временную интерпретацию (‘после того, как’), причем временное значение является первичным, а причинное — вторичным.

В некоторых языках представлены специализированные финитные формы, которые используются в некоторых типах зависимых клауз, в том числе причинных (ср. «каузативное наклонение» в гренландском эскимосском).

Среди нефинитных форм причинные показатели могут присоединяться:

- к инфинитиву (ср. причинные послелогои *охыл* и *уагыл* в осетинском);
- к номинализации (ср. аффикс *-gatik* в баскском);
- к причастиям (абхазо-адыгские языки).

Кроме того, достаточно часто причинное значение выражается конвербами, имеющими, помимо причинного, временное или другое обстоятельственное значение. Однако в некоторых языках, например в нахско-дагестанских (лезгинском, ингушском), а также в койрейском, имеются специализированные причинные конвербы. Ср. пример из ингушского, в котором соответствующий конверб состоит из основы настоящего или прошедшего времени и суффикса *-ndea* [Nichols 2011: 302]:

- (25) *Sei q'ameala wi hwuona cy jiezandea*
 1SRFL.GEN speech.GEN shadow 2S.DAT NEG I.like.CVbecause
xuusa voal so
 change.INF V.INGR 1s

‘I’m changing the manner of my speech since it displeases you’ [Nichols 2011: 324].

1.4. Позиция причинной клаузы

Как в типологических работах, так и в частных исследованиях, посвященных описанию причинных конструкций⁹ в конкретных языках, было выявлено, что по сравнению с другими адвербиальными клаузами (например, условными и временными) причинные клаузы тяготеют к постпозиции¹⁰, ср. [Diessel 2001; Diessel, Hetterle 2011], [Wang 1995] для

⁹ При этом исследователи, как правило, рассматривают клаузы в собственно причинном значении.

¹⁰ Отметим, что результативные и целевые по сравнению с причинными еще больше тяготеют к постпозиции.

китайского, [Diessel 2005: 455] для английского, см. также ряд ссылок в последней работе. Немногочисленные типологические исследования адвербиальных клауз демонстрируют естественную корреляцию порядка OV и препозиции адвербиальной клаузы по отношению к главной [Hetterle 2015: 121].

Во французском языке причинные клаузы, вводимые союзом *comme*, тяготеют к препозиции, а клаузы, вводимые союзом *parce que*, — к постпозиции. В тагальском клаузы с показателями *dahil*, *kasi*, *(sa)pagkat* могут стоять как в препозиции, так и в постпозиции. В русском языке причинная клауза, вводимая союзом *потому что*, в норме стоит в постпозиции по отношению к главной, а клауза, вводимая союзом *поскольку*, может стоять как в препозиции, так и в постпозиции. Иногда причинная клауза может разрывать главную (26) или, что типологически нетривиально, разрываться главной, ср. пример (27) из варонго (семья пама-ньюнга), где причинная клауза выделена полужирным шрифтом.

- (26) *Все вoзы, **потому что на них лежали тюки с шерстью**, казались очень высокими и пухлыми* (А. Чехов) [Лю, Титкова 2016: 40].
- (27) *yarro-n-da yinda ngawa-gali-ngomay-0 yinda jilbay-bi-n gogo-nggo.*
 here-LINK-LOC 2SG.NOM hear-ANTIP=after-NOM 2SG.NOM knowing-INTR-NF language-ERG
 Lit. ‘After you listen to [my] language here, you become knowing’, i.e. ‘Because you listen to [my] language, you know [it]’ [Tsunoda 2011: 510].

Для испанского языка отмечено, что причинная клауза, разрывающая главную, всегда предшествует глаголу главного предложения [Лисичкина 2013: 101].

Вероятно, на позицию причинной клаузы может влиять и частное причинное значение (см. раздел 2). Так, клауза, вводимая союзом *a to* в иллокутивном значении в русском языке, может стоять только в постпозиции.

1.5. Порядок слов в причинной клаузе

Общеизвестным фактом является то, что порядок составляющих в главной и зависимой клаузе может различаться. Кроме того, в некоторых менее тривиальных случаях порядок составляющих в причинных клаузах отличается от порядка в других адвербиальных клаузах: так, в кронго (Судан, семья каду) со строгим порядком VSO лишь причинные клаузы имеют порядок SVO [Hetterle 2015: 130]. В баскском языке лишь причинные клаузы, в отличие от других типов адвербиальных клауз, сохраняют порядок слов под отрицанием ([Hetterle 2015: 135], цит. по [Hualde, Ortiz de Urbina 2003]).

1.6. Корепонентность субъекта главной и зависимой клаузы

Как правило, конкретные показатели причины могут оформлять как односубъектные, так и разнотсубъектные предложения. Однако в некоторых языках определенные стратегии оформления причины характерны либо для односубъектных, либо для разнотсубъектных предложений. Так, в алеутском языке если A/S-участник главной клаузы корепонентен A/S-участнику зависимой клаузы, то специальное средство для маркирования отношений причины отсутствует. Однако если A/S-участники главной и зависимой клаузы разные, то причинные отношения выражаются рядом специализированных показателей, например показателями причинной обусловленности *акан* ‘а или *ма-л* [Головки и др. 2009: 283, 288–290].

В языке колымских юкагиров для выражения причины в односубъектных предложениях употребляется имперфективный конверб, имеющий также значение одновременной

сопровождающей ситуации (simultaneous accompanying situation), ср. (28), тогда как в предложении, состоящем из двух разносубъектных клауз, причинное значение может выражаться простым соположением.

- (28) *marqil-gi mie-de-t ahurpe-t ibil'ie-t*
 [девушка-POSS ждать-DETR-SS:IPFV страдать-SS:IPFV плакать-SS:IPFV
tāt šəjl-ŋōt gude-l'el
 CA камень-TRNSF стать-INFR(3SG)
 'Девушка ждала, страдала, плакала и затем (по причине этого) превратилась в камень' [Maslova 2003: 387].

1.7. Грамматические и прагматические ограничения на контексты

На материале рассмотренных нами описаний языков не удалось выявить кросслингвистических тенденций, связанных с контекстными ограничениями в причинных предложениях. Однако исследователи отмечают, что в ряде языков некоторые причинные показатели не могут употребляться в определенных грамматических и прагматических контекстах.

В адыгейском формы на *-š* в зависимой клаузе, имеющие причинное значение, допустимы, только если глагол главной клаузы стоит в императиве или в настоящем или будущем времени индикатива [Зекох 2002: 345]. В парагвайском гуарани из двух причинных показателей, *-gui-* и *-re-* (основное значение первого — аблативное, а второго — инструментальное), только формы с первым показателем могут присоединять к себе рестриктивный показатель *-nte* 'только' (Д. В. Герасимов, л. с.):

- (29) *Nda-i-katū-i-gui-nte n-a-mendā-i i-sy'-re aré-ma.*
 NEG-3-мочь-NEG-ABL-RESTR NEG-1SG.A-жениться-NEG 3-мать-INSTR некоторое.время-1AM
 'Только потому, что не было такой возможности, я не женился уже давно на его матери'.

В телугу в причинной конструкции с показателем *ani* цитативного происхождения субъект главной клаузы может быть только «мыслящим существом» (rational being):

- (30) *rāmu-Ø ālasyamgā vacc-æ-ḍ-ani kamala-ku kōpam vacc-i-ndi*
 Ramu-NOM late come-PST-3SG.M-QUOT Kamala-DAT anger[NOM] come-PST-3SG.NM
 'Kamala got angry, because Ramu came late' ¹¹ [Krishnamurti, Gwynn 1985: 369].

2. Семантика полипредикативных причинных конструкций

2.1. Семантические варианты причинных значений

Причинные значения реализуются в целом ряде вариантов, среди которых можно выделить «элементарные» и «неэлементарные»¹². В «неэлементарных» причинных конструкциях (II.1–2), в отличие от «элементарных» (I.1–2), между двумя пропозициями имеется

¹¹ Глосса Е. А. Забелиной.

¹² Мы благодарим анонимного рецензента за предложенные изменения в семантической классификации причинных конструкций.

невербализованный модальный компонент — промежуточное звено типа «я спрашиваю», «я делаю вывод» и т. п.

Семантические варианты причинных значений, рассматриваемые нами, тем или иным образом связаны с причинно-следственными отношениями и в разных языках могут кодироваться как теми же средствами выражения, что и собственно причинное значение, так и другими. Перечислим эти значения причинной зоны:

(I.1) Собственно причинное (прямое причинное) значение, непосредственно выражающее отношение каузации между двумя ситуациями, выраженными в соответствующих клаузах:

(31) *Берлиоз поскользнулся, потому что Аннушка разлила масло.*

Именно для конструкций с собственно причинным значением, в отличие от остальных типов причинных конструкций, наиболее характерна ситуация, когда причина предшествует следствию.

(I.2) Значение повода — фактора, обуславливающего поведение агенса в главной клаузе:

(32) *Я купил тебе подарок, потому что сегодня твой день рождения.*

Несмотря на то, что во многих работах последовательно проводится различие между собственно причинным значением и поводом (в терминологии ряда исследователей “cause” и “reason”), связанное прежде всего с волиитивностью агенса главной клаузы, ср. [Beckermann 1977; Givón 2011: 370–371] и др., в языках редко удается обнаружить средства выражения, специализированные лишь на одном из этих двух значений. Один язык такого рода, кавиненья (таканские, Южная Америка), приводится в работе [Hetterle 2015: 51] со ссылкой на [Guillaume 2008], ср. нефинитную конструкцию для выражения причины (cause) в (33) и финитную для выражения повода (reason) в (34):

(33) *Kastere-kware=kamadya i-ke_s betsa=ra.*
become.tired-REM.PAST=RESTR 1SG-FM swim=CAUSE

‘I was extremely tired from swimming’ [Guillaume 2008: 719].

(34) *Ara-chine=ama =tu-ke_o =Ø_A ensalada_o jeke-wa=tibu.*
eat-REC.PAST=NEG =3SG-FM (=1SG-ERG) salad fill.up-PERF=REASON

‘I did not eat the salad because I was full (lit. I had filled up)’ [Guillaume 2008: 730].

В языке мауваке (трансновогвинейские), в котором причинные значения, как правило, выражаются с помощью конструкций следствия, собственно причинное значение и значение повода также маркируются по-разному: показатель *naapeya* используется в собственно причинном значении (cause-effect), см. (35), а показатель *naeya* — в значении повода (reason-result), см. (36)¹³:

(35) *I firim-owa=pa ik-emkun ama or-o-k,*
1p.UNM gather-NMZ=LOC be-1s/p.DS sun descend-PA-3s
naapeya epa kokom-ar-e-k.
therefore place dark-INCH-PA-3s

‘When we were in the meeting the sun went down, so it became dark’ [Berghäll 2015: 214].

(36) *I firim-owa=pa ik-emkun ama or-o-k,*
1p.UNM gather-NMZ=LOC be-1s/p.DS sun descend-PA-3s

¹³ Строго говоря, конструкции следствия не являются причинными конструкциями в нашем понимании, несмотря на то, что выражают причинные значения, однако мы приводим данные примеры, чтобы продемонстрировать нетипичный случай, когда в языке причина и повод кодируются по-разному.

naeya maa me wiar en-owa ikiw-o-k.
therefore food not 3s.DAT eat-NMZ go-PA-3s

‘When we were in the meeting the sun went down, so he went without eating the food’
[Berghäll 2015: 214].

В языке может быть грамматикализировано отношение причины в социальной сфере — отношение санкции при предикатах со значением наказания, поощрения и т. п., ср. русский союз *за то, что*. Особые способы выражения таких отношений характерны, например, для ряда языков Сибири разной генетической принадлежности, таких как мансийский [Скрибник 2005: 295–296], бурятский [Скрибник, Даржаева 2007: 51], алтайский и хакасский [Шамина 2004: 36–37]¹⁴. Отметим, что некоторые исследователи, например [Скрибник 2005: 295], рассматривают конструкции санкции как близкие к причинным, но не собственно причинные. Л. А. Шамина выделяет конструкции санкции в качестве отдельного типа бипредикативных причинных конструкций [Шамина 2004: 36–37]¹⁵.

(II.1) Иллокутивное значение, при котором выражается «связь между пропозициональным содержанием одной клаузы в составе сложного предложения и иллокутивной модальностью другой» [Пекелис 2015]:

(37) *Говори быстрее, потому что я уезжаю* [Пекелис 2015].

Иллокутивное значение характерно, например, для употреблений причинного союза *parce que* во французском (35) и *since* в английском (36), которые в других контекстах могут иметь собственно причинное значение:

(38) *Qu’est-ce qu’il vaut ce bouquin, parce que je voudrais l’acheter ?*
‘Сколько стоит эта книжка, а то я ее хочу купить’ [Colson 1993: 57].

(39) *Did Liz leave, since you know everything?*
‘А Лиз ушла, раз уж ты все знаешь?’ [Charnavel 2019].

Причинное отношение в приведенных примерах возникает между ситуацией зависимой клаузы и речевым актом, в рамках которого формулируется вопрос главной клаузы: ‘<Я спрашиваю,> сколько стоит эта книга, потому что я хотел бы ее купить; <Я спрашиваю,> ушла ли Лиз, потому что ты все знаешь’.

Как видно из приведенных примеров и рассмотренной нами литературы, рассматриваемый тип причинных конструкций можно разделить на два подтипа — (II.1.1) с невербализованной побудительной (императивной) модальностью, ср. пример (37) и (II.1.2) с невербализованной вопросительной модальностью, ср. примеры (38) и (39). Вероятно, можно выделить и третий подтип (II.1.3) — с невербализованной утвердительной модальностью, ср. пример (40), в котором причинное отношение возникает между ситуацией зависимой клаузы и иллокутивным актом сообщения, темой которого является главная клауза: ‘<Я сообщаю тебе, что> именно по этой причине некоторые доктора избегают торговых медицинских представителей, потому что (раз уж) ты упомянул об этом’¹⁶.

(40) *“Since you mention it,” Andrew said, “that’s a reason why some doctors won’t see drug detail men”* [Meier 2001: 40].

¹⁴ Мы благодарим за этот комментарий анонимного рецензента.

¹⁵ Сходным образом, бипредикативные конструкции с эмотивными предикатами типа ‘радоваться (тому, что)’ могут включаться в состав причинных конструкций (ср. [Шамина 2004: 37]) либо исключаться из них (ср. «конструкции, выражающие реакцию на событие-стимул» [Черемисина и др. 1984: 87]).

¹⁶ Мы благодарим за высказанную идею М. Л. Федотова.

В языках могут существовать как грамматические средства, специализированные на нескольких рассмотренных подтипах, так и на одном из них — так, французский союз *parce que* может употребляться в конструкциях с невербализованной вопросительной и побудительной модальностью, а русский союз *потому что* скорее ограничен выражением побудительной модальности (ср. (37) и (38')):

(38') ^{??} *Сколько стоит эта книжка, потому что я хочу ее купить.*

Для некоторых причинных показателей может быть характерна функциональная специализация. Во французском языке иллюкутивное употребление не характерно для союза *comme*, в отличие от *parce que* [Colson 1993: 62], а в русском — для союза *оттого что*, в отличие от *потому что* [Пекелис 2015]. В немецком языке союз *weil*, в отличие от *denn*, не может вводить клаузы в иллюкутивном употреблении, ср. примеры из [Scheffler 2005: 215]:

(41) a. *Ist vom Mittag noch etwas übrig? Denn ich habe schon wieder Hunger.*

b. ^{??} *Ist vom Mittag noch etwas übrig? Weil ich schon wieder Hunger habe.*
'Что-нибудь осталось от обеда? А то я снова хочу есть'.

Причинное значение союза *a to* [Левонтина 2013] связано с иллюкутивной силой (42), при этом данный союз не может употребляться в собственно причинном значении.

(42) *Нет ли у тебя соли, а то у меня кончилась?*

(II.2) Значение следствия — вывода, при котором умозаключение, сформулированное в клаузе со значением следствия, делается на основании информации, представленной в причинной клаузе. Сам вывод может быть сделан на основании факта (II.2.1) или суждения (II.2.2).

(II.2.1) Инферентивное («эпистемическое») значение было описано, среди прочих, в работах [Colson 1993] и [Пекелис 2015] и может быть сформулировано следующим образом: говорящий может сделать утверждение Р, потому что Q (в терминах [Пекелис 2015] речь идет о «связи между пропозицией придаточного и эпистемической модальностью главной клаузы»). В грамматиках такое значение иногда называется обратной причинно-следственной связью (ср. рассуждение в [Пекелис 2015] об инвертированном порядке клауз) или «возможностью перераспределения ролей в причинных конструкциях» [Лунд 2004: 168], ср. примеры из последней работы (в первом из них выражено инферентивное значение, а во втором — значение повода):

(43) a. *Преподаватель заболел, потому что занятия отменили.*

b. *Занятия отменили, потому что преподаватель заболел.*

Для инферентивного причинного значения могут быть характерны маркеры, свидетельствующие, что речь идет об умозаключении ('видимо', 'наверное', 'наверняка' и т. п.), ср. [Лунд 2004: 164], причем, очевидно, языки могут различаться по степени обязательности такого рода маркеров в рассматриваемых контекстах: например, для датского и русского они кажутся более необходимыми, чем для французского или испанского. Более того, для одного и того же языка употребление маркеров умозаключения может быть более или менее обязательным в зависимости от того, имеется ли достаточное основание для вывода: так, в русском языке в инферентивных конструкциях часто маркируется недостаточно убедительное основание¹⁷:

(44) *Наверное, он дома, раз на работе его нет.*

¹⁷ Данная идея была высказана анонимным рецензентом, которому мы бы хотели выразить свою благодарность.

В языках зафиксированы показатели, которые могут иметь (а) лишь собственно причинное, но не инферентивное значение; (б) как собственно причинное, так и инферентивное значение; (в) лишь инферентивное, но не собственно причинное значение. Так, например, в датском языке союз *fordi*, в отличие от союзов *for* и *eftersom*, может выражать лишь прямую причинно-следственную связь, но не инферентивное значение [Лунд 2004: 169], а в немецком инферентивное значение, наряду с собственно причинным, характерно для союза *denn*, но не *weil* [Scheffler 2005: 215]. В японском языке лишь один из двух приведенных причинных показателей может употребляться в инферентивном значении (наряду с собственно причинным):

- (45) *Katoo san wa heya ni i-na-i kara / ?node*
 Като сан топ комната дат быть-NEG-PRS потому.что
moo kaet-ta no desh-oo
 уже уйти-PST NML COP.ADR-PMT

‘Господин Като уже наверняка ушел домой, потому что его в комнате нет’ [Nakada 1977: 255], цит. по [Алпатов и др. 2008: 252].

Судя по работам, посвященным причинным конструкциям, средства выражения, специализирующиеся лишь на инферентивных, но не на собственно причинных отношениях, достаточно редки. Для русского языка таким показателем является союз *судя по тому, что*, приведенный в [Пекелис 2015].

(II.2.2) Логико-семантическое значение, то есть умозаключение, выводимое из суждений, например (46) (ср. упоминание такого значения в [Colson 1993] и [Galán Rodríguez 1995: 125]). На настоящий момент нам неизвестны случаи, когда для выражения логико-семантических отношений в языке имеется особый показатель, которому не свойственно собственно причинное значение.

- (46) *C’est son grand-père parce que c’est le père de sa mère.*
 ‘Это его дедушка, потому что это отец его матери’ [Colson 1993].

2.2. Дополнительные компоненты значения

Причинные значения могут характеризоваться дополнительными семантическими признаками. Данные признаки могут характеризовать все предложение в целом (2.2.1), относиться к клаузе, выражающей в причинной конструкции причину (2.2.2–2.2.4) или следствие (2.2.2).

2.2.1. Временная дистанция

В некоторых языках способ кодирования причинных значений зависит от временной дистанции. Так, в языке скоу (Новая Гвинея) причинный показатель *te-*, в отличие от *wa ko te*, используется в том случае, когда зависимая клауза реферирует к событию, значительно предшествующему событию, выраженному в главной [Donohue 2004: 497–498].

2.2.2. Оценочный компонент значения

Нейтральная, положительная или отрицательная оценка может относиться к клаузе, выражающей причину, следствие либо обоим сразу. Анализ того, к какой клаузе относится

оценка, осложняется тем, что часто обе клаузы одновременно окрашены положительно (47) или отрицательно (48):

- (47) *Только благодаря тому, что мы удержались как коллектив единомышленников, журнал сохранил своё лицо* [НКРЯ].
- (48) *Возможно, человек больше других приматов «подсел» на одурманивающие продукты из-за того, что часто испытывал стрессы* [НКРЯ].

Естественным образом, нейтральная оценка характерна для большинства попавших в поле зрения показателей (ср. исп. *porque*, русск. *потому что* и многие другие).

Положительная оценка русского союза *благодаря тому, что*, по-видимому, относится к причине:

- (49) ?? *Благодаря тому, что его мать умерла, он получил наследство.*

В статье [Богуславская, Левонтина 2004: 74] показано, что в русском *из-за* содержится семантика того, что именно следствие «является незапланированным и скорее нежелательным»:

- (50) а. **Он поступил в институт из-за того, что много занимался.*
- б. ^{OK} *Он провалился на экзаменах из-за того, что мало занимался* [Богуславская, Левонтина 2004: 74].

На предварительном этапе исследования было обнаружено, что данное семантическое различие характерно скорее для языков средневропейского стандарта. Обзор грамматик других ареалов показал, что авторы редко упоминают это противопоставление. Впрочем, различие может быть связано с тем, что европейские языки описаны лучше, чем языки других ареалов.

2.2.3. Реальность / нереальность причины

Подавляющее большинство клаузалых причинных показателей выражают реальную причину (ср. баск. *-lako* ‘потому что’, таг. *palibhasa* ‘поскольку’). Однако для некоторых языков характерны и показатели со значением фиктивной причины. Фиктивной причине могут соответствовать два значения: ‘под предлогом того, что’ (участник знает, что причина фиктивна), ср. фр. *sous (le) prétexte que*, и ‘потому что он/она/они считал(и), что’ (участник не знает, что причина фиктивна), ср. баск. *-lakoan*, букв. ‘думая, что’. Противопоставление союзов, связанное с реальностью причины, имеется в древнегреческом языке, ср. союз *hōs* ‘потому что он/она/они считал(и), что’ (причина реализовалась только по мнению участника ситуации, но не говорящего) vs. союз *hōti* ‘потому что’ (причина с точки зрения говорящего является свершившимся фактом). Для датского языка релевантно противопоставление реальной и гипотетичной причины: во втором случае возможно использование союза *fordi*, но не *for* или *eftersom* [Лунд 2004: 169].

2.2.4. Противоречие (несоответствие) ожиданиям

В мишарском диалекте татарского языка причинные клаузы, «содержащие нарушение исходного предположения вопроса» из двух базовых стратегий (деепричастие на *-gan-ga* и причинный союз *čenki*) допускают только вторую [Татевосов и др. (ред.) 2017: 488]. Ср. пример (51) с причинной клаузой в пропозиции, содержащей отрицание пресуппозиции вопроса:

- (51) a. *sineŋ* *čaškr-ŋ* *juk*, *čenki* *sin* *a-nɾ* *üze-ŋ* *wat-tɾ-ŋ*.
 ты.GEN чашка-2SG не.быть потому.что ты он-ACC сам-2SG ломать-PST-2SG
- b. **sin* *a-nɾ* *üze-ŋ* *wat-kan-ga* (*kür-ä*) *sineŋ*
 ты он-ACC сам-2SG ломать-PFCT-CAUSE (видеть-ST.IPFV) ты.GEN
čaškr-ŋ *juk*.
 чашка-2SG не.быть
- {— Где моя чашка?} — ‘Твоей чашки нет, потому что ты сам ее разбил’ [Татевосов и др. 2017: 488].

Вероятно, в языках мира у полипредикативных причинных конструкций могут иметься и другие дополнительные компоненты значения, не попавшие в круг нашего рассмотрения.

2.3. Стилистические особенности

Кроме стилистически нейтральных причинных показателей (русск. *потому что*, таг. *porke(t)*, гуарани *-gui*), в языках обнаруживаются показатели, характерные для возвышенного (книжного) стиля (русск. *ибо*, фр. *car*) или для формального стиля (русск. *вследствие того, что*, таг. *(ya)uamang*), а также для разговорного стиля (русск. *раз (уж)*, таг. *kasi*).

3. Соотношение с информационной структурой

3.1. Ассерция vs. пресуппозиция причинной клаузы

Как причина, так и следствие в причинной конструкции может входить либо в пресуппозицию, либо в ассерцию. Ср. русск. *Я опоздал* (следствие, известно слушающему), *потому что не прозвонил будильник* (причина, неизвестна слушающему) vs. *Раз ты отказываешься сотрудничать* (причина, известна слушающему), *я тебя уволю* (следствие, неизвестно слушающему). Во французском языке придаточное, вводимое союзом *puisque*, может содержать только пресуппозицию, в отличие от *parce que* (только ассерция), что проверяется трансформациями (эмфаза, вопрос), ср. [Riegel et al. 2007: 508]:

- (52) a. *C'est parce que / *puisque tu me le demandes que je te le dis.*
 ‘Именно поскольку ты это спрашиваешь, я тебе это говорю’.
- b. ^{OK} *Puisque tu me le demandes, je te le dis.*
 ‘Поскольку ты это спрашиваешь, я тебе это говорю’.

- (53) *Pourquoi as-tu fait cela? — Parce que / *puisque'il le fallait.*
 ‘Почему ты это сделал? — Потому что нужно было’.

Для ряда языков европейского стандарта, в которых рема тяготеет к концу предложения, естественным образом отмечалось, что тематическая причинная клауза, как правило, стоит в препозиции, а рематическая — в постпозиции [Galán Rodríguez 1995: 137]. Однако даже в языках европейского стандарта такая корреляция не является абсолютной, ср. исследование [Claridge, Walker 2001: 46] на материале английского языка, в котором на выборке из 1107 предложений причинная клауза стоит в постпозиции по отношению к главной в 82 % случаев, а кодирует новую информацию лишь в 66 % случаев.

Для некоторых исследованных в интересующем нас отношении языков было обнаружено, что в причинных предложениях зависимые клаузы тяготеют к выражению

новой информации [Diessel 2005: 464] (в отличие, например, от условных предложений, в которых, как правило, новая информация выражается в главной клаузе [Храковский 1998: 30]). В задачу дальнейших типологических исследований, посвященных причинным конструкциям, может входить выяснение того, насколько это характерно для языков вообще.

3.2. Употребление в выделительных конструкциях

Для разных причинных показателей характерны различные возможности сочетания с контрастивными частицами. Так, русский союз *потому как*, в отличие от союза *потому что*, не сочетается с частицей *лишь* [Пекелис 2008: 76]. Во французском языке, по данным [Colson 1993: 59, 65], причинный союз *parce que*, в отличие от союзов *comme* и *puis-que*, может сочетаться с наречием *surtout* 'в особенности', а соответствующая причинная клауза подвергаться фокализации:

(54) **C'est puisque cette figure a trois côtés que c'est un triangle.*

Букв. «Именно раз у этой фигуры три стороны, это треугольник».

В японском языке причинный показатель *node*, в отличие от *kara*, не сочетается с выделительными частицами и не может употребляться в клефтовой конструкции [Алпатов и др. 2008].

Возможность употребления в выделительных конструкциях может быть связана с тем, какая разновидность причинного значения выражается в предложении. Так, в английском клефт возможен для собственно причинного, но не для инференциального значения, ср. примеры (55) из [Bisiada 2013: 183–184] со ссылкой на [Sweetser 1990: 76–77]:

(55) a. *John came back because he loved her.*

b. *John loved her, because he came back.*

c. *It was because he loved her that John came back.*

d. ?*It was because he came back that John loved her.*

Следовательно, возможность употребления с контрастивными частицами и в выделительных конструкциях должна рассматриваться для разных типов значений.

3.3. Функционирование в диалоге

Лишь некоторые причинные показатели могут использоваться в монопредикативной конструкции в ответе на вопрос «Почему..?». Часто такие вопросы могут быть заданы только к предложениям, имеющим собственно причинное значение, ср. невозможность задать такой вопрос к предложению с инферентивным значением в испанском [Galán Rodríguez 1995: 141–142]:

(56) a. *Están en casa, porque se oye ruido.*

‘Они дома, потому что слышится шум’.

b. *Por qué causa están en casa? *Porque se oye ruido.*

‘По какой причине они дома? Потому что слышится шум’.

В немецком языке при ответе на вопрос «Почему..?» может употребляться только причинный союз *weil*, но не *denn*, ср. пример (57) из [Scheffler 2005: 216], в русском

союз *потому что*, но не *поскольку* или *так как*, ср. (58), во французском союз *parce que*, но не *comme, puisque, car*, в английском — *because*, но не *as, since* или *for* [Colson 1993: 59].

(57) а. *Warum ist die Katze gesprungen? *Denn sie sah eine Maus.*

б. *Warum ist die Katze gesprungen? Weil sie eine Maus sah.*

‘Почему кошка прыгнула? — Потому что она увидела мышь’.

(58) *Почему он не вымыл посуду? Потому что / ?? Поскольку у него было мало времени.*

В тагальском языке при ответе на вопрос «Почему..?» используется специализированная энклитика с причинным значением *-e*.

Отметим, что в полипредикативной конструкции при ответе на вопрос «Почему..?» могут использоваться причинные показатели, не характерные для монопредикативной конструкции¹⁸:

(59) а. *Почему Вы приняли такое решение? — ?? Поскольку в данных обстоятельствах оно было самым разумным.*

б. *Почему Вы приняли такое решение? — ОК Мы приняли такое решение, поскольку в данных обстоятельствах оно было самым разумным.*

4. Модели полисемии и грамматикализации

4.1. Происхождение показателя

Происхождение ряда причинных показателей было описано в работе [Martowicz 2011], однако богатый типологический материал дает возможность рассмотреть многочисленные источники происхождения данного показателя, не упомянутые в исследовании. Прежде всего отметим, что для клаузальных и именных причинных конструкций характерны разные пути грамматикализации. В полипредикативных конструкциях одним из самых распространенных сценариев является происхождение причинных показателей из целевых и временных, ср. [Heine, Kuteva 2002: 246, 275, 291]. В работе [Schmidtke-Bode 2009: 177] приводится шкала грамматикализации “the purpose-reason-result cline(s)”, на которой причинное значение занимает промежуточное положение между целевым значением и значением следствия.

Нетривиальным и широко распространенным явлением оказалась грамматикализация показателей причины из показателей, связанных с эвиденциальностью, косвенной речью, цитативностью, упомянутая в [Heine, Kuteva 2002: 261]. Так, в ингушском конверб предшествования *eanna* (‘having said’) с финитными глаголами в прошедшем времени может иметь причинное значение [Nichols 2011, 545–546], в лезгинском причинная клауза может вводиться союзом *lahana*, производным от глагола *luhun* ‘говорить, сказать’, в телугу причинное значение может иметь цитативный показатель *ani* [Krishnamurti, Gwynn 1985: 369].

Займствование причинных показателей является широко распространенным явлением. В работе [Martowicz 2011: 132] отмечается три примера заимствования клаузальных причинных показателей (ю.-в. тепеуа *porque nagu* ‘из исп. *porque*, сапуан *jān* из лаос. ‘вещь’ и суахили *sababu* из араб. ‘причина’). К этим примерам можно добавить следующие показатели: западно-сонгайский *paskə* из фр. *parce que* [Heath 1999: 280], чуваш. *ато* из русск. *а то*, а также приведенные ниже показатели из гуарани (61) и кхмерского.

¹⁸ Мы благодарим за это замечание С. С. Сая.

Заемствованный причинный показатель может функционировать аналогично причинному показателю в языке, из которого он был заимствован. Так, испанский причинный союз *porque* ‘потому что, поскольку’ заимствовался в парагвайский гуарани в виде *porke*, присоединяющего, как и в испанском, финитную клаузу (Д. В. Герасимов, л. с.):

- (60) *Porke ya o-ñe-mby-a'pua-ma upé-a*
 потому.что уже 3A-REFL-CAUS-круглый-1AM DEM-REL
o-j-agarrá-ta upé-a alguno-re o-pó-ta hína.
 3A-REFL-хватать-PROSP DEM-REL любой-INSTR3 A-прыгать-PROSP 3A.DUR

‘Потому что теперь она свернулась и готова была прыгнуть на кого угодно’.

Однако известны и более сложные случаи заимствований. Так, например, кхмерский причинный союз *daoj haet* состоит из элемента мон-кхмерского происхождения *daoj*, который известен еще из древнекхмерских памятников VII в. н. э. (в форме *toj*). Он встречается как в функции предикатива (‘следовать за’), так и в функции союза (правда, не с причинным значением). Элемент *haet* представляет собой заимствование из пали (*hetu* ‘причина’)¹⁹.

Частной проблемой, которая может быть решена после описания клаузуальных и именных причинных конструкций, является вопрос, образуются ли именные причинные показатели от клаузуальных (ср. англ. *because of* < *because*) или наоборот (ср. русск. *из-за того что* < *из-за*).

Также заслуживает интереса связь между происхождением и полисемией клаузуальных причинных показателей, с одной стороны, и финитностью соответствующей причинной клаузы, с другой. Это обусловлено тем, что причинные показатели на нефинитных зависимых клаузах с причастиями и номинализациями, по-видимому, чаще происходят из падежных показателей с инструментальным, аблативным и прочими значениями (эти источники грамматикализации типичны для именных показателей причины), тогда как для клаузуальных показателей характерны другие пути грамматикализации, часть из которых была описана выше.

4.2. Специализированность и полисемия показателей

В [Hetterle 2015: 213] на основании сбалансированной выборки из 45 языков постулируется, что причинные показатели в 56,8 % случаев (46 из 81) являются полифункциональными (саму таблицу моделей полисемии см. в [Hetterle 2015: 213]). Результаты, приведенные в работе [Martowicz 2011: 119], несколько отличаются: на материале 184 показателей из 84 языков выясняется, что полисемия клаузуальных причинных показателей характерна для 47 % одноморфемных и 31 % полиморфемных показателей (всего 41 % для всех показателей выборки)²⁰.

Как известно, модели полисемии регулярно возникают в процессе грамматикализационного развития. В частности, показатели со значением причины часто развиваются на основе показателей, имевших временное или другое значение, не являющееся причинным. При таком развитии нередко возникает ситуация, когда одна и та же единица может иметь (а) временное значение в одних контекстах, (б) допускать две трактовки в других, и (в) однозначно выступать в качестве показателя причины в третьих. Это можно проиллюстрировать на материале английского союза *since*, ср. пример (61) из [Traugott, König 1991: 194–195]):

¹⁹ С. Ю. Дмитренко, л. с.

²⁰ Подсчеты наши на основании приведенной таблицы.

- (61) a. *I have done quite a bit of writing since we last met.*
 ‘Я кое-что написал с тех пор, как мы виделись в последний раз’.
- b. *Since Susan left him, John has been very miserable.*
 ‘Джон очень несчастен с тех пор / из-за того, что его бросила Сьюзан’.
- c. *Since you are not coming with me, I will have to go alone.*
 ‘Раз ты не идешь со мной, мне придется пойти одному’.

Отметим, что средства выражения причины, с одной стороны, могут, наряду с причинным, иметь другое значение, причем выбор этих значений зависит от контекста (ср. нем. союз *wenn* в причинном и условном значении). С другой стороны, они могут выражать два значения одновременно, обладая более сложной семантикой, чем просто причинная. В русском языке, например, это относится к союзам, соединяющим причинную и условную семантику, таким как *раз, а то, а не то, иначе* [Пекелис 2015], ср. пример *Работу надо делать максимально быстро, иначе древесина начнет трескаться* [НКРЯ], в котором, как заключает автор, выражен следующий смысл: ‘Работу надо делать максимально быстро, потому что, если этого не сделать, древесина начнет трескаться’.

Известно, что в языках мира среди прочих значений одинаково могут кодироваться²¹:

- причина и цель (рамочная конструкция *nee ... le* в гбан (М. Л. Федотов, л. с.))
- причина и время (серб. союз *poшто*)
- причина и условие (союз *ke* в персидском, см. пример (62) ниже [Windfuhr, Perry 2009: 517])
- причина и следствие (союз *maalá* в консо [Martowicz 2011: 140], цит. по [Mous, Oda 2009: 347])
- причина и уступка (кхмер. союз *that* С. Ю. Дмитренко, л. с.)
- причина и сравнение (исп. союз *como*, конструкция типа «относительная клауза с *-ab + éñtá*» в языке шеко [Hellenthal 2010: 278]).

В персидском языке в зависимости от контекста (а иногда в одном и том же контексте) союз *ke* может выражать причину, время, условие или уступку:

- (62) *pul ke mi-deh-i, mi-āy-am*
 money KE IPFV-give.PR-2s IPFV-come.PR-1s
 ‘(As) you give me money, I come’, more specifically, ‘because — when — if — even though you give me money for this, I will come’ [Windfuhr, Perry 2009: 517].

Заслуживающим внимания является кодирование причинного значения с помощью показателя топики. Как отмечает Мартович, полисемия показателя топики и условного показателя была отмечена для нескольких языков [Martowicz 2011], однако ни в одном из 84 языков выборки автора не была зафиксирована топикально-причинная полисемия. Однако она фиксируется для показателя *xejox* в языке оксапмин (трансновгвинейские) [Loughnane 2009: 288]; в языке ворора (Австралия) конструкция с топикальным показателем *-ke* также может иметь причинное значение [Clendon 2014: 435]²².

Для полисемичных показателей можно постулировать следующее исчисление, связанное с развитием значения. Если в языке X у показателя A два значения: P1 (причинное) и P2 (непричинное), — то существуют три возможности:

²¹ В данном разделе мы останавливаемся лишь на полисемии средств кодирования, характерных для нефинитных клауз: средства кодирования причины, характерные для нефинитных клауз, чаще обладают моделями полисемии, характерными для именных групп.

²² Отметим, что топикально-причинная полисемия характерна не только для полипредикативных конструкций, рассматриваемых в рамках настоящей статьи, но и для именных, ср. топикализацию с помощью показателя *-in* как маркирование причины в корейском.

1. Значение P1 первично, значение P2 вторично (например, временное (P1) и причинное (P2) значение английского союза *since*).
2. Значение P1 вторично, значение P2 первично (так, развитие целевого значения (P1) из причинного (P2) постулируется для древнегреческого предлога *diá* в [Luraghi 2005]).
3. Указанная оппозиция значений не выявляется (например, оба значения произошли от третьего, которое впоследствии утратилось)²³.

5. Перспективы исследования

В заключение выделим направления, которые кажутся нам перспективными в рамках исследования причинных конструкций.

На основании данных уже исследованных языков, можно предположить, что некоторые параметры типологического варьирования будут коррелировать друг с другом и с другими языковыми параметрами²⁴. Заслуживающим исследования представляется соотношение между следующими параметрами:

- (i) возможность причинной клаузы с исследуемым показателем выступать в качестве пресуппозиции / ассерции и порядок клауз в полипредикативной конструкции;
- (ii) связь глагольной формы (в частности, наклонения) с частными значениями причины;
- (iii) связь между степенью грамматикализации показателя и частными значениями причины;
- (iv) связь между происхождением показателя и его семантическими признаками;
- (v) связь позиции главной клаузы с частными значениями причины;
- (vi) связь между происхождением показателя и финитностью причинной клаузы.

Кроме того, в результате анализа причинных конструкций в конкретных языках могут выявиться новые параметры типологического варьирования, еще не описанные в нашей статье. Выявлению их может способствовать исследование факторов, определяющих конкуренцию конструкций.

В связи с этим заслуживает исследования как конкуренция клаузалых причинных конструкций с разными показателями причины между собой, так и конкуренция полипредикативных причинных конструкций с монопредикативными (как именными, так и характеризующимися глагольным маркированием).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо
 I — первый согласовательный класс (в чоктавском)
 A — агент
 AVL — аблатив
 ABS — абсолютив
 ACC — аккузатив
 ACT — активный залог
 ADR — адрессив
 ANTIP — антипассив
 APPL — аппликатив
 AUX — вспомогательный глагол

CA — наречие-коннектор
 CAUS — каузатив
 CAUSE — причина
 COMP — комплементаризер
 CONJ — конъюнктив
 CONV — неопределенно-деепричастная форма
 COP — связка
 CSL — каузалис
 CV_SIM — деепричастие предшествования
 DAT — датив
 DEM — указательное местоимение
 DETR — детранзитивизатор

²³ Мы благодарим В. С. Храковского за указание на возможность данного исчисления.

²⁴ Связь некоторых параметров, характерных для средств полипредикативного выражения причины, была рассмотрена на материале испанского языка в [Galán Rodríguez 1995].

DS — разнособъектность	p_3 — показатель принадлежности 3-го лица
DUR — дуратив	PA — прошедшее время
ERG — эргатив	PC_PST — причастие прошедшего времени
EZF — изафет	PERF, PFCT — перфект
f — женский род	PL — множественное число
FM — форматив	PMT — презумптив
FOC — фокус	POSS — посессивный показатель
FUT — будущее время	POST — послелог
GEN — генитив	POT — потенциалис
IAM — ямитив	PP — причастие прошедшего времени
INC — инцептив	PR — основа презенса
INCH — инхоатив	PREH — предвчерашнее прошедшее
INF — инфинитив	PREP — предлог
IND — индикатив	PROSP — проспектив
INFR — инференциальность	PRS — настоящее время
INGR — ингрессив	PST, PT — прошедшее время
INS, INSTR — инструменталис	PTCP.RES — результирующее причастие
INTR — интранзитив	QUOT — цитатив,
IPF — имперфект	RAD — корень
IPFV — имперфектив	REAS, REASON — причина
J — показатель согласовательного класса (в ингушском), соединительный гласный (в циха)	REC.PAST — недавнее прошедшее
KE — универсальный комплементаризер (в осетинском)	RED — редупликатор
LINK — связывающий интерфикс	REFL — рефлексив
LOC — локатив	REL — релятив
M — мужской род	REM.PAST — давнопрошедшее
NEG — отрицание	RESTR — рестриктив
NEG.EX — отрицание существования	RFL — рефлексив
NF — небудущее	S, SG — единственное число
NM — женский/средний род	SS — однопособъектность
NML — субстантиватор	ST — производная основа
NMZ — номинализатор	SUBJ — субъектное спряжение
NOM — номинатив	TOP — топик
O — объект	TRNSF — трансформатив
OBJ — объектный падеж	UNM — немаркированное местоимение
p — множественное число	V — показатель согласовательного класса (в ингушском)
	vNimpf — имя процесса действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов и др. 2008 — Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. *Теоретическая грамматика японского языка*. В 2-х кн. М.: Наталис, 2008. [Alpatov V. M., Arkadiev P. M., Podlesskaya V. I. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [A theoretical grammar of Japanese]. In 2 vols. Moscow: Natalis, 2008.]
- Богуславская, Левонтина 2004 — Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б. Смыслы ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке. *Вопросы языкознания*, 2004, 2: 68–88. [Boguslavskaja O. Yu., Levontina I. B. The meanings “cause” and “goal” in a natural language. *Voprosy Jazykoznanija*, 2004, 2: 68–88.]
- Буркова 2003 — Буркова С. И. *Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка*. Новосибирск: НГУ, 2003. [Burkova S. I. *Sopostavitel'noe opisanie funktsional'no-semanticheskikh polei obuslovlennosti v lesnom i tundrovom dialektakh nenetskogo yazyka* [A comparative description of functional-semantic fields of causality in Forest and Tundra Nenets]. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2003.]
- Головко и др. 2009 — Головко Е. В., Вахтин Н. Б., Асиновский А. С. *Язык командорских алеутов. Диалект острова Беринга*. СПб.: Наука, 2009. [Golovko E. V., Vakhtin N. B., Asinovskii A. S. *Yazyk*

- komandorskikh aleutov. Dialekt ostrova Beringa* [The language of the Commander Islands Aleuts. The Bering Island dialect]. St. Petersburg: Nauka, 2009.]
- Зекох 2002 — Зекох У. С. Адыгейская грамматика. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. [Zekokh U. S. *Adygeiskaya grammatika* [Adyghe grammar]. Maykop: Adygeya Publ., 2002.]
- Левонтина 2013 — Левонтина И. Б. О причинном значении союза *a to*. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международ. конф. «Диалог». Вып. 12(19). Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013, 434–446. [Levontina I. B. On the causal meaning of the conjunction *a to*. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*, Issue 12(19). Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2013, 434–446.]
- Лисичкина 2013 — Лисичкина Н. Е. Сложные предложения с союзом “*como*” с причинными и условными отношениями в испанском языке. *Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика»*, 2013, 6: 99–104. [Lisichkina N. E. Complex sentences with the conjunction “*como*” with causal and conditional relations in Spanish. *Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika»*, 2013, 6: 99–104.]
- Лунд 2004 — Лунд К. Х. Датские причинные союзы в тексте. *Скандинавская филология = Scandinavica*, 2004, 13, 162–174. [Lund K. H. Danish causal conjunctions in text. *Skandinavskaya filologiya = Scandinavica*, 2004, 13, 162–174.]
- Лю, Титкова 2016 — Лю Чж., Титкова С. И. Можно ли начинать предложение с *потому что*? (к вопросу об особенностях употребления и написания союза *потому что*). *Вестник Чувашского гос. педагогического ун-та им. И. Я. Яковлева*, 2016, 2(90): 36–45. [Liu Zh., Titkova S. I. Can one start a sentence with *потому что*? (*потому что* revisited: more on usage and spelling). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva*, 2016, 2(90): 36–45.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus].] URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Пекелис 2009 — Пекелис О. Е. *Сочинение и подчинение в контексте причинной семантики*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., РГГУ, 2009. [Pekelis O. E. *Coordination and subordination in the context of causal semantics*. Ph.D. diss. abstract. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2009.]
- Пекелис 2015 — Пекелис О. Е. Причинные придаточные. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2015. [Pekelis O. E. Reason clauses. *Materialy dlya projekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2015.] URL: http://rusgram.ru/Причинные_придаточные.
- Рубинчик 2001 — Рубинчик Ю. А. *Грамматика современного персидского литературного языка*. М.: Восточная литература, 2001. [Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of Modern Standard Persian]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001.]
- Скрибник 2005 — Скрибник Е. К. Организация дискурса в мансийском языке и конструкции сложного предложения. *Четвертая типологическая школа. Специальная сессия: Типология дискурсивных категорий и средств организации дискурса в японском, армянском и русском языках*. Подлесская В. И., Архипов А. В., Ландер Ю. А. (ред.). М.: РГГУ, 2005, 295–296. [Skrubnik E. K. Discourse organization in Mansi and complex sentence structures. *Chetvertaya tipologicheskaya shkola. Spetsial'naya sessiya: Tipologiya diskursivnykh kategorii i sredstv organizatsii diskursa v yaponskom, armyanskoy i russkom yazykakh*. Podlesskaya V. I., Arkhipov A. V., Lander Yu. A. (eds.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2005, 295–296.]
- Скрибник, Даржаева 2007 — Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. *Полипредикативные конструкции обусловленности в бурятском языке*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. [Skrubnik E. K., Darzhaeva N. B. *Polipredikativnye konstruktzii obuslovlennosti v buryatskom yazyke* [Polypredicative causal constructions in Buryat]. Ulan-Ude: Buryat National Center of the Siberian Department of RAS Publ., 2007.]
- Татевосов и др. (ред.) 2017 — Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш. (ред.). *Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*. М.: Буки Веди, 2017. [Tatevosov S. G., Pazel'skaya A. G., Suleimanov D. Sh. (eds.). *Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii. Misharskii dialect* [Elements of Tatar in typological perspective. Mishari dialect]. Moscow: Buki Vedi, 2017.]
- Храковский 1998 — Храковский В. С. (ред.). *Типология условных конструкций*. СПб.: Наука, 1998. [Xrakovskij V. S. (ed.). *Tipologiya uslovnykh konstruktzii* [Typology of conditional constructions]. St. Petersburg: Nauka, 1998.]
- Храковский 2004 — Храковский В. С. (ред.). *Типология уступительных конструкций*. СПб.: Наука, 2004. [Xrakovskij V. S. (ed.). *Tipologiya ustupitel'nykh konstruktzii* [Typology of concessive constructions]. St. Petersburg: Nauka, 2004.]

- Храковский 2009 — Храковский В. С. (ред.). *Типология таксисных конструкций*. М.: Знак, 2009. [Xrakovskij V. S. (ed.). *Tipologiya taksisnykh konstruktssii* [Typology of taxis constructions]. Moscow: Znak, 2009.]
- Черемисина и др. 1984 — Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М., Скрибник Е. К., Боргоякова Т. Н., Шамина Л. А. *Предикативное склонение причастий в алтайских языках*. Новосибирск: Наука, 1984. [Cheremisina M. I., Brodskaya L. M., Skribnik E. K., Borgoyakova T. N., Shamina L. A. *Predikativnoe sklonenie prichastii v altaiskikh yazykakh* [Predicative declension of participles in the Altaic languages]. Novosibirsk: Nauka, 1984.]
- Шамина 2004 — Шамина Л. А. *Система бипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск, Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2004. [Shamina L. A. *Sistema bipredikativnykh konstruktssii s infinitivnymi formami glagola v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri* [System of bipredicative constructions with non-finite verb forms in the Turkic languages of Southern Siberia]. Ph.D. diss. abstract. Novosibirsk, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004.]
- Alvarez Castro, Donaire 2011 — Alvarez Castro C., Donaire M. L. Deux marqueurs en cause : *puisque* et *puesto que*. *Langages*, 2011, 4(184): 35–49.
- Beckermann 1977 — Beckermann A. *Gründe und Ursachen: Zum vermeintlichen grundsätzlichen Unterschied zwischen mentalen Handlungserklärungen und wissenschaftlich-kausalen Erklärungen*. Kronberg: Scriptor, 1977.
- Berghäll 2015 — Berghäll L. *Mauwake reference grammar*. Berlin: Language Science Press, 2015.
- Bisiada 2013 — Bisiada M. *From hypotaxis to parataxis: An investigation of English–German syntactic convergence in translation*. Ph.D. diss. Manchester: The Univ. of Manchester, 2013.
- Broadwell 2006 — Broadwell G. A. *A Choctaw reference grammar*. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 2006.
- Charnavel 2019 — Charnavel I. Perspectives in causal clauses. *Natural language and linguistic theory*. 2019, 37(2), 389–424.
- Claridge, Walker 2001 — Claridge C., Walker T. Causal clauses in written and speech-related genres in Early Modern English. *ICAME Journal. Computers in English Linguistics*, 2001, 25: 31–63.
- Clendon 2014 — Clendon M. *Worrorra: A language of the north-west Kimberley coast*. Adelaide: Univ. of Adelaide, 2014.
- Colson 1993 — Colson J. Bonnes raisons et causes douteuses : les propositions de cause en anglais et en français. *Palimpsestes*, 1993, 7: 55–71.
- Cristofaro 2003 — Cristofaro S. *Subordination*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- Cristofaro 2013 — Cristofaro S. Reason clauses. *The World Atlas of Language Structures Online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. URL: <http://wals.info/chapter/127>, accessed on 2018-06-24.
- Diessel 2001 — Diessel H. The ordering distribution of main and adverbial clauses: A typological study. *Language*, 2001, 3(77): 433–455.
- Diessel 2005 — Diessel H. Competing motivations for the ordering of main and adverbial clauses. *Linguistics*, 2005, 43-3: 449–470.
- Diessel, Hetterle 2011 — Diessel H., Hetterle K. Causal clauses: A cross-linguistic investigation of their structure and use. *Linguistic universals and language variation*. Siemund P. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2011, 23–54.
- Donohue 2004 — Donohue M. *A grammar of the Skou language of New Guinea*. Singapore: National Univ. of Singapore, 2004 (draft).
- Fehn 2014 — Fehn A.-M. *A grammar of Ts'ixa (Kalahari Khoe)*. Ph.D. diss. Köln: Universität zu Köln, 2014.
- Galán Rodríguez 1995 — Galán Rodríguez C. Las oraciones causales: propuesta de clasificación. *Anuario de estudios filológicos*, 1995, vol. XVIII: 125–158.
- Givón 2011 — Givón T. *Ute reference grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Guillaume 2008 — Guillaume A. *A grammar of Cavineña*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Heath 1999 — Heath J. *A grammar of Koyra Chiini, the Songhay of Timbuktu*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Hellenthal 2010 — Hellenthal A. Ch. *A grammar of Sheko*. Ph.D. diss. Utrecht: LOT, 2010.
- Hetterle 2015 — Hetterle K. *Adverbial clauses in cross-linguistic perspective*. Berlin: Walter de Gruyter, 2015.

- Hoe, Park 2016 — Hoe S, Park Yu. A Syntactic approach to the 1st person restriction of causal clauses in Korean. *30th Pacific Asia Conf. on Language, Information and Computation (PACLIC 30)*. Seoul, October 28–30, 2016.
- Hualde, Ortiz de Urbina 2003 — *A grammar of Basque*. Hualde J. I., Ortiz de Urbina J. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Klangová 2017 — Klangová L. *Выражение причинных отношений в русском и чешском языках*. Ph.D. diss. Brno: Masarykova univerzita, 2017.
- Krishnamurti, Gwynn 1985 — Krishnamurti Bh., Gwynn J. P. L. *A grammar of Modern Telugu*. Delhi: Oxford Univ. Press, 1985.
- Lakoff 1984 — Lakoff G. Performative subordinate clauses. *Proc. of the 10th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Brugman C., Macaulay M. (eds.). Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1984, 472–480.
- Loughnane 2009 — Loughnane R. *A grammar of Oksapmin*. Ph.D. diss. Melbourne: Univ. of Melbourne, 2009.
- Luraghi 2005 — Luraghi S. Paths of semantic extension — from cause to beneficiary and purpose. *Historical Linguistics 2003: Selected papers from the 16th International Conference on Historical Linguistics, Copenhagen, 11–15 August 2003*. Fortescue M., Skaftø Jensen E., Mogensen J. E., Schøsler L. (eds.). Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2005, 141–157.
- Martowicz 2011 — Martowicz A. *The origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study*. Ph.D. diss. Edinburgh: Univ. of Edinburgh, 2011.
- Meier 2001 — Meier E. “Since you mention it”. *A contrastive study of causal subordination in English and Norwegian*. Ph.D. diss. Oslo: University of Oslo, 2001.
- Maslova 2003 — Maslova E. *A grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin: Walter de Gruyter, 2003.
- Mous, Oda 2009 — Mous M., Oda O. The semantics of clause linking in Konso. *The semantics of clause linking: A cross-linguistic typology*. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009, 336–355.
- Nakada 1977 — Nakada S. Kara and node revisited. *The Journal of the Association of Teachers of Japanese*, 1977, 12(2/3): 249–279.
- Nichols 2011 — Nichols J. *Ingush grammar*. Berkeley: Univ. of California Press, 2011.
- Pennington 2010 — Pennington J. A. *A study of purpose, result, and causal hypotaxis in early Indo-European Gospel versions*. Ph.D. diss. Athens (GA): University of Georgia, 2010.
- Riegel et al. 2007 — Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. *Grammaire méthodique du français*, 4e edition. Paris: Quadrige/Presses Universitaires de France, 2007.
- Robson, Tegey 2009 — Robson B., Tegey H. Pashto. *Iranian Languages*. Windfuhr G. (ed.). London: Routledge, 2009, 721–772.
- Scheffler 2005 — Scheffler T. Syntax and semantics of causal *denn* in German. *Proc. of the Fifteen Amsterdam Colloquium*. Dekker P., Franke M. (eds.). Amsterdam: ILLC/Department of Philosophy, 2005, 215–220.
- Schmidtke-Bode 2009 — Schmidtke-Bode K. *A typology of purpose clauses*. Amsterdam: John Benjamins, 2009.
- Stassen 1985 — Stassen L. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Steeman 2012 — Steeman S. *A grammar of Sandawe, a Khoisan language of Tanzania*. Utrecht: LOT, 2012.
- Sweetser 1990 — Sweetser E. *From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- Therkelsen 2003 — Therkelsen R. The functions of Danish causal conjunctions. *Proc. of the 19th Scandinavian Conf. of Linguistics*. Tromsø: Universitetet i Tromsø, 2003, 446–456.
- Traugott, König 1991 — Traugott E., König E. The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited. *Approaches to grammaticalization: Vol. I. Theoretical and methodological issues*. Traugott E., Heine B. (eds.). Amsterdam: Benjamins, 1991, 189–218.
- Tsunoda 2011 — Tsunoda T. *A grammar of Warrongo*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011.
- Wang 1995 — Wang Y. F. A corpus-based study of adverbial clauses in Mandarin Chinese conversations: A preliminary analysis. *Proc. of the 10th Pacific Asia Conf. on Language, Information and Computation*. Hong Kong City: Univ. of Hong Kong, 1995, 237–242.
- Windfuhr, Perry 2009 — Windfuhr G., Perry J. R. Persian and Tajik. *The Iranian languages*. Windfuhr G. (ed.). London: Routledge, 2009, 416–544.